

Ровно 80 лет назад, 2 мая 1922 года, в Хамовническом загсе Москвы был зарегистрирован брак между 27-летним русским поэтом Сергеем Есениным и 45-летней американской танцовщицей Айседорой Дункан. Он продлился всего год. Но до сих пор идут споры о том, была ли между двумя этими неординарными людьми любовь или их связывала страсть, а может, что-то третье?

Вместо музея — наркологи

На доме №3 в Малом Могильцевском переулке нет мемориальной доски, да и вообще ничто здесь не напоминает о том, что именно тут Есенин в третий раз вступил в официальный брак. Что до его внебрачных связей, то сам поэт напустил здесь густого тумана: вспоминал же Мариенгоф, как однажды, лежа на диване у него в гостях, Есенин мечтательно говорил:

— Эх, Толя! А ведь баб у меня было — ну не меньше трех тыщ!

— Здоров ты врать, Сергун, — равнодушно отвечал приятель.

— Ну, триста...
— Да ладно, не заливай.
— Хорошо, — миролюбиво соглашался Есенин, — но тридцать-то уж точно было...

В первый раз он женился на скромной типографской работнице Анне Изрядновой, ее фамилию носил и их сын. Есенину было девятнадцать, невесте — на полтора года больше. Второй брак — главная любовь всей его жизни Зинаида Райх, впоследствии жена Мейерхольда. Никого другого Есенин так не любил — и не мучил. Дункан — брак третий и предпоследний, зато самый скандальный.

Хамовнического загса в историческом здании давно нет. Теперь здесь Научно-исследовательский институт наркологии с кафедрой и отдел Государственного пожарного надзора. Ирония судьбы, причем грустная: у наркологов Есенин лечился неоднократно, за два последних года своей жизни лежал в больницах несколько раз, иногда по месяцу. Но если от алкогольной зависимости избавляться удавалось, то депрессия практически не оставляла его.

— Неужели у нас поженлись Есенин и Дункан? — такими словами меня встретил научный сотрудник института Андрей Селиверстов. — А я ведь даже и не интересовался, кто здесь раньше... базировался. У нас ничегошеньки не сохранилось в память об этом событии.

Стены пожарных надзорщиков пестрят плакатами времен глубокой советской власти. «Служба 01 сообщает: Курить в постели опасно!», «Зеленый змий — причина пожара». А венчает все фраза: «Служба в пожарной охране — дело настоящих мужчин». Не был Есенин настоящим мужчиной, не служил он в пожарной охране...

— Ведь даже не знаем, в какой комнате все это произошло, — задумался Селиверстов. — Вдруг в моем кабинете? Вот здорово!

Разумеется, алкоголики Хамовнического района почтут за честь лечиться там, где один из самых одаренных алкоголиков русской литературы связал свою жизнь с одной из самых одаренных алкоголичек в истории современного танца. Дункан пила давно, она не отставала от Есенина — тот же Мариенгоф сообщал, что у Есенина и Дункан в заварочном чайнике вместо чая на завтрак нередко подавался коньяк. Сорокалетняя Дункан, или Дунька, как называл ее поэт без особенной

нежности, была уже вовсе не той прелестной «босоножкой», которая покорила Россию еще в 1908 году. Ходила эпитаграмма, сохранный Катевым: «Есенина куда унес аэроплан? В Афины древние, к развалинам Дункан». Но и вся предыдущая жизнь Айседоры не разрушила ее так, как полтора года, проведенные в разбездах и скандалах с русским поэтом, которого она называла «золотая голова».

Выйдя из загса, они завопили

...А загс Хамовнического района переехал. Сейчас он находится по другую сторону Садового кольца, в переулке рядом с Плющихой. Новое здание блещет чистотой и уютом.

— Конечно, мы интересовались историей Есенина и Дункан, — рассказала «Собеседнику» зам. директора загса Нина Конякова. — Но многие документы из нашего архива пропали — лето сколько прошло! Не сохранилась и запись об их браке.

Айседора была старше Сергея на 18 лет. До Есенина она не была замужем, хотя романы вспыхивали бесконечно — не

маю, что они действительно испытывали друг к другу очень сильные чувства. Возможно, это была не просто любовь. Ведь известно, что у Айседоры Дункан погиб сын, на которого внешне был очень похож Есенин. Его Айседора могла видеть в Сергее. Ну, а по поводу отца могу сказать только то, что у мужчин часто возникают сильные чувства к женщинам гораздо старше их.

В день свадьбы Есенина и Дункан была хорошая погода, светило солнце и москвичи радостно улыбались друг другу. Айседора и Сергей направлялись в загс, чтобы расписаться и через несколько месяцев отправиться за границу — без штампа в паспорте Есенина бы не выпустили. По случаю бракосочетания Есенин был в прекрасно сшитом сером костюме, шелковым белом кашне и светлых перчатках, Дункан — в клетчатом английском костюме и маленькой круглой шляпке. В руках она держала букетик весенних цветов. В свидетельстве о браке и в паспортах им обоим записали двойную фамилию, как они того и хотели. Новобрачные стали Дункан-Есениными. Выходя из

Айседора и Сергей

есенин был двоюродженец

раз ей предлагали руку и сердце. Ее дочь Ирма была младше Есенина всего пятью годами. Дункан приехала в Россию по приглашению советского правительства. Впрочем, и по собственной инициативе тоже: создавать школу танцев для малообеспеченных и беспризорных детей. Благотворительница почти не говорила по-русски. Характер у нее был волевой, она была уверена в себе, в своем призвании. Злопыхатели говорили, что у себя на родине Дункан никому уже не интересна, — зато большевики принимали ее восторженно, Луначарский называл революционеркой в искусстве... Есенин тоже не знал ни одного иностранного языка. Впрочем, в первые дни знакомства они объяснялись без слов.

— Об этой трагической любви много говорили, — рассказал «Собеседнику» сын поэта Александр Вольпин-Есенин, — но правды не знает никто. Я ду-

загса, Есенин во все горло ликующе завопил: «Теперь я — Дункан». А Айседора подхватила: «А я — Есенина!»

В Германии пришлось жениться вновь

Праздновали свадьбу вечером на квартире Дункан на Пречистенке. Были приглашены только самые близкие. Пили шампанское, чокались, говорили тосты. Через неделю пара покинула Россию и отправилась в Германию, потом в Бельгию, Францию, Америку и опять вернулась в Европу. В каждом отеле они ссорились, били посуду, ломали мебель. В конце концов граждан с двойной фамилией выставляли вон, но в следующем отеле происходило то же самое.

По прибытии в Берлин им пришлось заново регистрировать свой брак — советский считался недействительным. Есенину путешествие не понравилось: он понял, что, кроме России,

ему ничего не нужно. «Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянщина» жизни, что просто хочется послать все к этой матери», — писал он Мариенгофу. Почерк его всегда выдавал слабую волю и полное отсутствие самоконтроля: кривые, маленькие, валяющиеся набок буквы, никак друг с другом не связанные; строчки кривые, загибающиеся на концах...

— Некоторые считали, будто отец женился на Дункан только для того, чтобы выехать за границу, — говорит Александр Сергеевич. — Вранье. Папа всегда был самостоятельным человеком, кормил всю семью и все решения принимал сам. Если бы ему нужно было уехать, он бы уехал без посторонней помощи.

Есенин, несмотря на тоску по родине, провел за границей год, не в силах расстаться со своей Изадорой (он называл Дункан и так). А освободиться от нее он пытался не раз. На обратном пути оба чувствовали, что брак дал глубокую трещину и вот-вот распадется.

3 августа 1923 года Есенин и Дункан вернулись в Москву. На вокзале Айседора объявила встречающим: «Я привезла этого ребенка на его родину, но у меня нет больше ничего общего с ним».

Две петли

Однако, произнося эти жестокие слова, Дункан знала, что чувства ее к Есенину еще не угасли. В глубине души она надеялась, что, вернувшись в Россию, Сережа опять будет ее любить, как до отъезда за границу. Но они почти не виделись, и вскоре Есенин стал жить с другой женщиной.

В июле 1925-го, так официально и не разведясь с Дункан, Сергей Есенин в том же Хамовническом загсе расписался с внучкой Льва Толстого — Софьей Андреевной Толстой. Как это ему удалось — неизвестно. По словам Нины Коняковой, документы, свидетельствующие об этом браке, тоже исчезли. Впрочем, он оказался еще короче предыдущего.

го. Незадолго до самоубийства поэта супруги расстались.

Есенин покончил с собой в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года в Ленинграде, в гостинице «Англетер», снесенной еще в семидесятые (сторонники версии об убийстве поэта чекистами считают, что власти заматали следы — почему-то пятьдесят лет спустя). Он «обернул вокруг шеи два раза веревку от чемодана, вывезенного из Европы, выбил из-под ног табуретку и повис лицом к синей ночи, смотря на Исаакиевскую площадь», писали в газетах.

Сообщение о смерти Сергея застало Айседору в Париже. Узнав, что наследует все гонорары за книги Есенина, разошедшиеся огромными тиражами, Айседора сказала, что любила Сереженьку и что деньги ей не нужны, хотя на тот момент она жила отнюдь не в роскоши. «Отдайте их его матери и сестрам, — распорядилась она. — Им они нужнее, чем мне».

15 сентября 1927 года в Нише шаль, скользя за борт ее автомобиля, зацепилась за колесо. Намотавшись на ось, она затянулась петлей вокруг шеи Дункан. Удар был очень силен: Айседора умерла мгновенно.

«Был он изыскан, к тому ж поэт, пусть с небольшой, но ухватистой силою, и какую-то женщину сорока с лишним лет называл скверной девочкой и своею милою» — это последнее упоминание о Дункан в поэзии Есенина, «Черный человек», законченный за несколько недель до смерти. Больше от этого брака не осталось ничего — поразительно, с каким упорством время стирает все, что связано с именем Есенина. Рушатся дома, где он жил, сносятся гостиницы, таинственно исчезают почти все друзья... Хорошо, уцелел хоть домик в Малом Могильцевском переулке. Впрочем, и название у переулка такое, что рассчитывать на счастливый брак в таком месте трудно...

Так что оно и к лучшему, что загс переехал.

■ Мария Кутырева, Дмитрий Быков.

Из этого подъезда молодые вышли Дункан-Есениными

Есенин

Сергей

1-14.05.2002